

прескращено. Учителем черкесского языка сперва был мулла, а затем офицер-черкес.

Войсковая гимназия просуществовала до 80 годов и успела дать ряд выпусков. Этим гимназия сыграла крупную роль в деле образования и просвещения на Кубани.

Над В. гимназией тяготел какой-то злой рок: Только что успела как следует обосноваться она в г. Екатеринодаре, как вскоре по вступлении на престол Александра III она была вновь закрыта. Правда, впоследствии, целый ряд лиц начал усиленно хлопотать перед далеким Петроградом об открытии хотя бы в других городах Кубани каких-либо училищ, если нельзя иметь в столице богатой Кубани — г. Екатеринодаре — очага культуры — гимназии. Быв. российское правительство долго отказывало всяким ходатайствам, но, наконец, решилось и открыло в г. Ставрополе-Кавказском нечто в роде юнкерской школы, куда принимались грамотные урядники. (Между прочим, эту школу окончил наш б. Наказный Атаман ген. Бабич, в 1918 г. убитый большевиками в г. Кисловодске). Спустя некоторое время в том же городе Ставрополе была открыта духовная семинария и мужская гимназия. Городу Ейску посчастливилось и туда и была переведена на „постоянное пребывание“ — Черноморская В. гимназия. В указе о переводе гимназии говорится, что она „переносит свое действие“ из малярийного Екатеринодара в г. Ейск, с целебным, морским климатом.

Во время войны Казачества с красной Москвой за свою независимость, я несколько раз бывал в г. Ейске и мне там показывали непривлекательное, казенной постройки здание, — бывшей Войсковой гимназии...

Эпоха военных реформ Европы, заставила „подтянуться“ и Россию. После русско-турецкой войны, к офицерам русской армии стали предъявляться более повышенные требования об образовании. В России открылся ряд военных училищ, куда стали попадать лишь с законченным средним образованием; „хорошо грамотные“ урядники и ефрейторы стали уже отживать свой век, в смысле главного контингента юнкерских школ...

В г. Екатеринодаре р. правительством решено было открыть такое училище, чтобы питомцы по окончании его шли не в „зловредный“ университет, а исключительно в военные школы. С этой целью в 1884 г. была сделана попытка в виде открытия гимназии с „реальным преподаванием учебных предметов“, а в 1888 г. последовало открытие шестиклассного (впоследствии был прибавлен еще один класс, седьмой — дополнительный) Кубанского Александровского реального училища. После его открытия, в г. Ейске В. гимназия была закрыта. Можно считать, что реальное училище является продолжением традиций В. Черноморской гимназии.

Первым директором р. правительством назначено д. ст. с. Спиридоном Дмитриевичем Дивари. Я помню как этого директора ненавидели решительно все ученики. Дивари требовал, чтобы его называли все без исключения „Ваше превосходительство“ и когда он проходил по длинным училищным коридорам, все должно было стоять „смирно“ на вытяжку! Сколько жизней молодых казаков покалечил „этот человек“ в виш-мундире“. Директором реального училища он был очень долго, и должен был уйти после известного в 1904 г. бунта старших классов этого училища. На его место приехал К. Н. Шульгин, мягкий, деликатный, интеллигентный, он казался полной противоположностью Дивари. Его

тактичность много помогла, пожалуй даже спасла аттестаты целого ряда реалистов в бурные 1904—1906 годы.

Уход Шульгина с поста директора искренно огорчил как реалистов, так и преподавателей и воспитателей. Инспектор классов при Дивари был Яцук, впоследствии переведенный в 1 городскую „Климовскую“ гимназию. На должность инспектора вступил Л. Я. Семенов. Из своей должности он пробыл не долго и сдал ее своему преемнику, известному кубановеду и писателю С. И. Ворчевскому, который внес в жизнь школы новые приемы преподавания и экскурсии т. н. „краеведческие“.

После отъезда К. Н. Шульгина в С. П. Б., на его место был приглашен казак, большой любитель и знаток Кубанского Края Влад. В. Скидан. Благодаря его неугасимой энергии жизнь училища изменилась значительно к лучшему. Пансионеры оказались лучше одетыми, экононом — Рогачев, значительно улучшил стол для учеников. Удалось достать средства и пристроить два крыла к главному корпусу здания. В этих крыльях поместились особый гимнастический зал, специальный рисовальный класс и ряд других классов из за недостатка помещения „ютившихся“ в актовом зале.

Самое главное для нас, реалистов, было то, что реальное училище начало мало по малу терять вид какого-то тюремного здания. На окнах в классах появились цветы, на стенах коридоров целый ряд картин и фоторафий под стеклом, чего, конечно, и быть не могло при „строгом“ — Дивари: эти картины были бы тотчас уничтожены реалистами...

Кстати сказать, физический кабинет реального училища, в особенности когда им стал заведывать В. Ф. Миловидов, или как называли его реалисты „дед“, стал одним из лучших на С. Кавказе.

В 1906 г. реальное училище приобрело здание Александровского братства на углу Рашилевской и Гимназической и, таким образом, оно оказалось владельцем непрерывающейся земельной площади, выходящей на 4 улицы: Красную, Соборную, Рашилевскую и Гимназическую. По инициативе В. Скидана были выстроены и заарендованы персам, два киоска на Красной ул., „арендные“ деньги шли для уплаты за правоучение беднейших реалистов.

В 1911 г. совершилась большая реформа реального училища: в него перестали принимать иногородних (с открытием для них 2 реального училища) и оно стало вполне казачьим, не только по форме реалистов (красно-оранжевый околыш на фуражке и черная черкеска по праздникам), но и в действительности.

Во время борьбы Казачества за свою независимость 6 и 7 классы целиком ушли на противобольшевицкий фронт, получили ряд боевых отличий и уже хорунжими и сотниками кончали в 1920 г. школу.

Мои заметки о реальном училище мне хочется еще дополнить фамилиями учивших меня преподавателей: С особой любовью и благодарностью я вспоминаю отца Григория Виноградова, преподавателей: Горбунова, Талицкого, Курочкина, Герлаха, Праневского, Юкова, Гусника, Миловидова, Цернака, Рейснера, Иванова, Селецкого, Олимпиади, Балого, Ждан-Пушкина, воспитателей Волошина и Неметти, а также престарелого швейцара — Никиту и всех тех, кто помогал реальному училищу стать твердо на ноги и своими выпусками окончивших реалистов выковать еще одно звено культурного сближения Казачества с остальным цивилизованным миром.

Санжа Балыков.

Нечто о колониальной политике.

Одним из неприглядных явлений в жизни человеческого общества могут считаться колониационные стремления народов более сильных по отношению к народам более слабым. При чем, в зависимости от состояния уровня человеческой культуры в данную эпоху, вместе с общим видоизменением проявлений человека,

вместе с духовным прогрессом колонизирующих и колонизируемых, эти опыты беспрестанно видоизменялись и разнообразились. Так, например, когда умственное развитие человечества было первобытно, грубо, а следовательно и примитивны были его жизненные потребности и способы их удовлетворения, опыты колони-

ций вероятно сводились к тому, что сальний, численностью или организованностью народ, под тем или иным предлогом, а может быть даже совсем без всяких предлогов, шел войной на малочисленного или слабого соседа, огнем и мечом покорял его, забирал все что нужно и можно брать, и проходил дальше, если успех обещал повторяться, или возвращался во сзояси, а побежденный и разоренный народ зачастую предоставлялся собственной судьбе; он мог сравнительно спокойно приняться за налаживание забудораженной жизни и восстановление хозяйства. Это, я бы назвал, первым звеном в цепи дальнейшего развития колониальной политики.

С течением времени такой способ использования плодов победоносных походов дополнился способом обложения покоренных народов регулярной данью (ценными предметами жизненного обихода, домашними животными и продуктами питания — мехами, лошадьми, хлебом, вином, медом, иногда и женщинами, а с возникновением денежной ценности и золотом и серебром). Это уже второй этап колониальной политики.

Чем дальше, эти взаимоотношения между покоренными и покорившими усложняются, к перечисленным видам материальной обязанности данников прибавляются случаи использования их как военной силы, т. е. покоренные, в случаях войн народа протектора, обязаны были поставлять известное число воинов. Вслед за этим начала практиковаться и присылка в колонии представителей колонизирующей нации в качестве местной административной власти. Зачастую эти представители в качестве охраны личной безопасности приводили с собой значительное количество своего войска. Это уже на современном языке называется оккупацией и являет собою третий этап в развитии способов использования колоний.

С развитием торговли и промышленности колонизованные страны и народы постепенно приобрели значение рынка для сбыта излишков предметов производства и местом добывания и вывоза сырья. Это, безусловно, новая, четвертая ступень колониальной политики.

С этого периода для стран с хорошо развитой промышленностью необходимость сырьеносных колоний с потребляющим населением делается более осязательной и начинается период усиленного поиска путей и способов увеличения колониальных владений, а отсюда и колониальные конкуренции — борьба за рынки-государств колонизаторов. Как известно, открытие Америки произошло в рядке поисков нового торгового пути в Индию, так как появление на исторической арене Европы могущественного тогда турецкого народа закупорило старый торговый путь в Аравию и Индию и поставило торговлю Европы с указанными странами в трудное положение.

С открытием Америки, которую сам Колумб посчитал за Индию (и с этой уверенностью и умер), и приобретением испанцами новых, богатых и обширных колоний, откуда потекли в Испанию золото и серебро, начинается целый ряд исследований и открытий новых частей Америки и равных островов.

Особенно в этом отношении начинают соперничать испанцы и англичане за преобладание на море, а следовательно и за право и возможность еще больших исследований и колонизации частей новооткрытой Америки. Затем следует ряд колониальных соперничеств между Англией и Францией в Канаде и в Индии, между Англией и Голландией в Южной Африке. Все эти соперничества неизменно кончаются победой английской политики, а иногда и оружия.

Приблизительно к этому же времени новооткрытые земли-колонии находят новое применение: туда начинается переселение избытков населения с метрополии, а также принудительная высылка преступников. Например, население Австралийских колоний Англии долгое время преимущественно состояло из высланных туда преступных элементов. Само собой разумеется, что это новое явление в жизни колоний повело за собой и существенные изменения во взаимоотношениях колоний с властью метрополии, так как управление колониями с населением исключительно из покоренных туземцев

или таковыми же с населением из своих переселенцев должно было быть иным. Отсюда возникают разнообразные правовые нормы в положениях колоний. Это можно считать пятым этапом в развитии колониальной политики. Однако, наличия в колониях выходцев из метрополии, конечно, было бы не достаточно для радикальной перемены системы владения колониями, если не было бы на лицо другого, более значительного фактора, а именно: угрозы (при неудовлетворительных взаимоотношениях) отделения экономически и политически окрепших колоний и образования ими самостоятельных государств.

Особенную гибкость в этом отношении проявили англичане. Вообще из опытов всех стран, имеющих значительные колонии, самым интересным, достойным внимания и изучения может считаться развитие колониальной политики Англии. Англичане положили основу совершенно новой колониальной политики: они всемерно способствуют экономическому и культурному расцвету колоний, наглядно показывают им выгоду и безопасность для их национального и хозяйственного бытия от связи с Англией и вступают с колониями в чисто договорные отношения почти как с самостоятельным государством, что только укрепляет связь колонии с метрополией.

Британская империя, как известно, является одним из самых больших и затейливых государственных организмов мира. По разнообразию своих составных частей, как по населению, по цвету кожи и культурному уровню, так и по территории и климату, как по сложности взаимоотношения метрополии с колониями, так и по разности их экономического благосостояния, Великобритания наших дней действительно не знает государства себе равного. Если русские, не без гордости, не входя в сравнительную оценку благосостояния населения, любят говорить, что Россия — $\frac{1}{6}$ часть суши, то Англия занимает больше $\frac{1}{5}$ части ее. Население Британской империи больше 350 миллионов душ, т. е. больше $\frac{1}{6}$ части населения всего земного шара. Вот что пишет специалист, исследователь Мижурев: „Народы, населяющие Британскую империю, находятся в самых различных ступенях культурного развития; некоторые колонии организовали у себя политические и иные учреждения, каких придется долго еще ждать у себя дома самим англичанам. Британская империя не только есть сама по себе федерация — а федерация представляет, как известно, наиболее сложную форму политической организации — но в нее входят по меньшей мере две федерации — Канада и Соединенные штаты Австралии. Самое политическое устройство отдельных членов Британской империи в высшей степени разнообразно, как разнообразен и характер связи между метрополией и отдельными ее членами. В конституциях Австралийской и Канадской федерации столько же пунктов сходства, как пунктов расхождения и даже контраста. Столь же разнообразные параллели можно провести, например, между конституциями Новой Зеландии и Ньюфаундленда и т. д. Все это легко объясняется тем обстоятельством, что в каждом из названных конституций сказывался не нивелирующая или, так сказать, унифицирующая рука правительства метрополии, а практический здравый смысл населения разных областей необъятной империи, населения, имеющего полную возможность приспособлять свои учреждения к местным условиям и нуждам. История колониальной политики Англии заслуживает внимательного изучения между прочим и потому, что она сопровождалась в общем поразительными успешными результатами. Вступив на путь активной колониальной политики позднее других народов (португальцев, испанцев, французов и голландцев) она достигла наиболее замечательных и, повидимому, наиболее прочных результатов. Однако, в развитии колониального могущества Англии в течение XIX века нас занимает не столько поразительный территориальный рост колониальных владений Англии, сколько радикальная перемена во взаимных отношениях метрополии и ее колоний. Если прежде англичане, хотя все таки в меньшей степени, чем другие народы, грешили слишком эгоистическими взглядами на свои колонии, ценя их лишь постольку,

поскольку они приносили очевидные и чисто материальные выгоды метрополии, и относясь поэтому нетерпеливо ко всем попыткам самостоятельности — особенно торгово-промышленной самостоятельности — колоний, то теперь, наоборот, всякий, непредубежденный и достаточно осведомленный человек не может не удивляться крайнему долготерпению проявляемому англичанами в редких случаях возникновения разногласий между метрополией и самоуправляющимися колониями⁴.

Труд П. И. Мажуева, откуда приведена эта выдержка, издан в 1902 году и, следовательно, несколько устарел. Всем известно, как много утекло воды и как многое на свете с тех пор изменилось. Английская колониальная политика не стояла на месте: расширены местные права и возможность самостоятельности колоний, сделаны большие шаги в смысле уравнивания в правах перед законом жителей колоний — англичан и туземцев; сделано много по приобщению этих туземцев к культуре и цивилизации.

Колониальные достижения Англии приобретают острый интерес в связи с текущими событиями в Индии, куда, сейчас, то с равнодушным, то со злобным или насмешливым вниманием направлены взоры всего цивилизованного мира. Там, под знойным небом Индии, на фоне Голубых гор, по долине священного Ганга, по кривым улицам Бомбея, Пешавара, Джахарасана, между европейскими и индусскими „бангла“^{*)}, с сознанием своей правоты и моральной силы с одной стороны, с сознанием своего национального интереса и физической силы с другой, столкнулись два народа. Один — полуголый, босоногий, с горсточкой „кона“^{**)} в полуголом желудке, с камнями и лопатами в руках, другой — вооруженный до зубов всеми видами современного оружия, упитанный „беконом“, богатый, одетый в сукно, кожу и сталь. День за днем, помимо воли

*) — хата.

**) тушеная чечевица с перцовым соусом.

сторон, несмотря на детское добродушие и мягкость одного, несмотря на прославленное хладнокровие, выдержку и гибкий политический разум другого, все сильнее и сильнее разгораются там страсти человеческие. Одни, под лозунгом пассивного сопротивления и бойкота английских товаров, ловят врагов, закидывают камнями, забивают лопатами и, облив керосином, жгут. Другие, под флагом сохранения спокойствия в Индии и защиты культуры дают залпы в толпу демонстрантов, заявляющих таким способом о своем недовольстве и о своем праве.

Культурный мир по разному относится к этому разыгрывающемуся акту в мировой истории народов. Одни, принимая за основу для выявления своего отношения к этому событию только моральный элемент, возмущаются деяниями англичан. Другие говорят, что ослабление Англии не в интересах России и потому широчайно улюлюкают, строят рожи на индусов и всякими советами стараются помочь Англии в трудном деле.

Само собой разумеется, что в различном отношении мировой общественной совести к борьбе индусов ничего удивительного нет. Обыкновенно, в таких случаях люди, или общества однородно мыслящих людей, руководствуются тем, что бы они желали для себя в подобных случаях. Если я — представитель народа, интересы которого диктуют удержание в неволе или покорение другого народа, то сочувствую стороне себе подобной и наоборот, при чем, объективность подхода тут бывает исключена.

По моему, в данном вопросе, кроме моральной подкладки движения и собственного интереса, надо обратить внимание на возможность разумного, целесообразного подхода. Тут надо знать всю сложность вопроса Индийского освобождения и всю запутанность Англо-Индийского взаимоотношения, прежде чем становиться на определенную точку зрения.

(Окончание следует).

Ковак Бидолага.

Джигитовка на Кубани.

(Ст. Кавказская).

В наше „беженское“ время это „туземное“ слово выговаривается одинаково на всех европейских языках. Кто первый из казаков за границую вновь оседлал коня и кто первым показал здесь иностранцам это обособленное казачье искусство-спорт на коне — я не знаю, но, начиная с майского выступления 1925 года казаков в Париже, — это, тогда громоздкое и пышно-нарядное дело, провалившись в Лондоне и расколовшись на мелкие частицы — всером раскатилось по всему миру и заставляло говорить о казаках, об их несравненном удалстве на лошади, всю иностранную печать.

Кав-же зарождалось это удалство в казаке?..

Сплошь „служилое сословие“ последнего столетия, где не было ни одного семейства, в котором бы мужчина не соприкасался-бы с военною службою или с обязательными лагерными сборами и др. полубоевыми повинностями в общей казачьей станичной жизни и где в каждом доме, в силу этой обособленной жизни были — и седло, и бурочка, и шашечка, и кинжал, и коник строевой, и где все это хранилось как зеница ока и на что затрачивалось не мало денег на скудных семейных сбережений...

С малых лет подросток видел отца, брата, соседа, родича и др. казаков, ежегодно отбывающих „станичные занятия“, лагерные сборы, всевозможные смотри, станичные парады и особенно проходы на службу, когда поднималась абсолютно вся станица „проводить в дальнюю дороженьку“ своих „малолетков“.

А это всеобщее гарцование казаков всех возрастов на масляницу... А призовые скачки и джигитовка на Пасху...

А за ними — станичная слава первым джигитам, переходящая из поколения в поколение, горделивое ще-

гельство в ценных призовых часах и кинжалах „под серебром“, почет от стариков, „луговое“ внимание „казачек“^{*)} уважение от сверстников, а в будущем — прямая возможность попасть в „учебную“, заслужить урядника, почетная палаша с галунами, новые сладкие переживания по возвращении на льготу, а там, к зрелым годам, смотришь — и в станичные атаманы выберут, — новый почет, слава, „кирпичный дом“, увеличивающееся хозяйство...

Такая психическая атмосфера, естественно, не могла не действовать на воображение казачат-подростков.

На постоянных настибах, гоняя с соседскими целым „косяк“ коней из дому и домой, на водопой и с водопоя и в завтрак, и в обед, и в полдень, и при каждом удобном случае всегда верхом на лошади, да еще „охлюпью“ — в казаченке невольно вырабатывалась крепость к седлу, сноровка, увертливость на лошади и, в силу необходимости, а еще больше — в силу бесконечного желания стать обязательно „первым наездником“ в будущем... А иногда, по осени, когда бывает так мало работ — тайком от старших, заседлав дедовским потрепанным седлом одного из любимцев упряжных, — гденибудь меж гумнами изощряется „молодой джигит“ в подражании старшим до тех пор, пока не уговяет до третьего пота и себя и коня и пока не оборвет полы бешметика или не раздерет „матню“ в штанах... до очкура.

А родовитые джигиты, чтобы не уронить семейную славу, не утратить первенства отцовского — те, оседлав двух коней, и выехав „на-выгон“ — с места пускают их в карьер по необъятному простору, поддерживая за повод и талию растерявшегося мальченка... Этот способ „учения“, испытав на себе, нахожу наилучшим.

*) На Кубани „казачка“ то, что у донцов жалмерка